

Два следующих раздела сборника содержат статьи, освещающие актуальные проблемы жанра и стиля русской литературы XX-XXI вв.

Хочется надеяться, что память о Науме Лазаревиче, его страстности, энтузиазме, самоотдаче, высочайшей требовательности к себе и другим поможет всем нам достойно пройти сквозь неблагоприятное для филологии время, сохранить дух научного поиска, любовь к литературе, к «вкусному», как говорил Наум Лазаревич, слову.

Редколлегия

ЕГО СЛОВО

Н.Л. ЛЕЙДЕРМАН

Лекция № 10 (фрагмент)

Лирика Великой Отечественной войны

Лирика военных лет отражает напряженную духовную жизнь. В школе надо всегда делать выборку материала, который представлял бы ребятам какое-то явление и вместе с тем доставлял бы ученикам огромное эстетическое удовольствие, а также обладал бы большим нравственным эффектом: литература – средство воспитания души, и от этого уходить нельзя. Анализируя лирику военных лет, можно позволить себе избрать следующий вариант. Сначала дать некий обзор каких-то тенденций в лирике на примере отдельных стихотворений (песня «Священная война», высокие одические стихотворения о Родине, а с другой стороны – дать одно – два стихотворения психологического плана, например, «Перед атакой»). Чтобы в концентрированном виде показать душевную и духовную организацию человека на войне, можно обратиться к изучению цикла К. Симонова. Цикл этот большой, это были стихи о любви (сборник «С тобой и без тебя», 1943 г.). Власть относилась к таким стихам скептически, но совершенно точно можно утверждать, что их читали и фронтовики, и тыловики – эти стихи любили. И что нам важно в них – то, что они написаны с точки зрения мужчины. Это очень важно: мужчина должен быть мужчиной, тогда мы можем говорить о понятии «мужская честь». Что это значит? Стойкость, верность слову, способность постоять за другого, защитить собой, как щитом, женщину, ребёнка, семью. У Симонова это началось со стихотворения «Жди меня» (из цикла «С тобой и без тебя»).

Но фактически все стихи Симонова, которые он объединил в цикл «С тобой и без тебя», – это стихи, связанные с мотивом любви. И этот мотив любви Симонов разворачивает в целую цепь лирических признаний.

Первое, что показательно в стихах Симонова, – в них проступает рыцарское отношение к женщине («Я не помню, сутки или десять...», «Над чёрным носом нашей субмарины...», «Если Бог нас своим могуществом...», «Хозяйка дома»). Хочу заметить, что стихотворение «Над чёрным носом нашей субмарины...» имеет обозначение, где оно написано: Чёрное море, 1941 (из мемуаров Симонова было выяснено, что он, будучи корреспондентом на Южном фронте, отправился с подводной лодкой к берегам Румынии, чтобы выполнить боевое задание).

Над чёрным носом нашей субмарины
Взошла Венера – странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем её сюда.

Она, как ты, восходит всё позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звёзды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе.
Пусть они тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прошусь с опасностью земною,
Чтоб мирно в небе мёрзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездой,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадёшь ко мне в земные руки.
Я не звезда. Я удержу тебя.

Посмотрите, какой образ рождается. Обычно Венера – символ любви, а здесь это звезда. Это образ звезды, окружённой другими звездами (возникает некая аллегория женщины среди других женщин). А лирический герой хочет, чтобы она была к земле ближе. Он мужчина и сможет удержать её.

С другой стороны, Симонов писал стихи о любви, в которых отношение мужчины к женщине выражалось через юмор, ведь в любви всегда есть целая гамма чувств. У него есть шутовское стихотворение:

Если Бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла.
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила, –

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведёт с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведённых на шее рук.

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала.
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать.
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Всё, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивлённо меня кляня,
Я уверен, что Бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня.

1941

В мужском кодексе Симонова есть высокие нравственные послы – культ мужской дружбы, культ товарищества. Культ мужской дружбы будет очень часто развиваться в литературе о войне. Симонов написал очень важное стихотворение под названием «Дом в Вязьме», в котором в концентрированной форме выразил это высокое нравственное, требовательное отношение к мужской дружбе:

Я помню в Вязьме старый дом.
Одну лишь ночь мы жили в нём.

Мы ели то, что Бог послал,
И пили, что шофёр достал.

Мы уезжали в бой чуть свет.
Кто был в ту ночь, иных уж нет.

Но знаю я, что в смертный час
За тем столом он вспомнил нас.

В ту ночь, готовясь умирать,
Навек забыли мы, как лгать,

Как изменять, как быть скупым,
Как над добром дрожать своим.

Хлеб пополам, кровь пополам –
Так жизнь в ту ночь открылась нам.

Я помню в Вязьме старый дом.
В день мира прах его с трудом

Найдём средь выжженных печей
И обгорелых кирпичей,

Но мы складчину соберём
И вновь построим этот дом,

С такой же печкой и столом
И накрест клееным стеклом.

Чтоб было в доме всё точь-в-точь,
Как в ту нам памятную ночь.

И если кто-нибудь из нас
Рубашку другу не отдаст,

Хлеб не поделит пополам,
Солжет, или изменит нам,

Иль, находясь в чинах больших,
Друзей забудет фронтовых, –

Мы суд солдатский соберём
И в этот дом его сошлем.

Пусть посидит один в дому,
Как будто утром в бой ему.

Как будто, если лжет сейчас,
Он, может, лжет в последний раз,

Как будто хлеба не даёт
Тому, кто к вечеру умрёт,

И палец подает тому,
Кто завтра жизнь спасёт ему.

Пусть вместо нас лишь горький стыд
Ночь за столом с ним просидит.

Мы, встретясь, по его глазам
Прочтём: он был иль не был там.

Коль не был, – значит, круг друзей
На одного ещё тесней.

Но если был, мы ничего
Не спросим больше у него.

Он вновь по гроб нам будет мил,
Пусть просто скажет: – Я там был.

1943

В годы войны возникла очень интересная песенная традиция. Если посчитать, сколько и каких хороших и красивых песен было написано в годы войны, то вы убедитесь, что их было написано значитель-

но больше, чем в послевоенные десятилетия. Конечно, вы знаете такие песни, как «Темная ночь», «Землянка». А вы помните замечательное стихотворение Евгения Долматовского «Случайный вальс»?

Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.

После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.

Хоть я с вами почти не знаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного...
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем.

Стихотворение поражает старомодностью. Старомодная чопорность. Люди прошли огонь, воду и медные тубы, видали грязь, копать, мрак, а тут кто они? Галантные. Это очень важный момент: быть нарочито галантными, чопорными, когда жизнь заставляет быть хамами, грубиянами. Было знаменитое выражение в годы войны: «Война все спишет!» А тут нет! Не спитет...

Замечательны песни М. Исаковского. У него был очень хороший песенник, а музыку для него писал молодой композитор Василий Соловьев-Седой. А были и веселые песни:

Что ж ты, Вася грустил?
Голову повесил?..

Помимо этих вот разнообразных стихотворений, в которых господствовал лирический настрой, настроение ласки и любви, возникает еще одна тенденция – массовая неподцензурная песня. Песня, которая создавалась в самых глубинах армии, в окопах, землянках. В песнях пробивала себя свободная мысль людей, не зажатая идеологическими шорами. Вот, например, Павел Шубин «Волховская застольная».

Выпьем, товарищи!
Грянем застольную...

А на самом деле, Волхов – страшное название, он находился между Ленинградом и Москвой. Был волховский фронт, в котором мы пытались прорваться к Ленинграду, чтобы прорвать блокаду.

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но, уж когда довелось, –
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Дрался на Ладоге, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу.

Будут в преданьях навеки прославлены,
Под пулеметной пургой,
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

Это вовсе не торжественная, не помпезная песнь, а песнь глубоко трагическая. Были песни, которые так и остались за пределами печатного станка.

Сборник «В нашу гавань заходили корабли», состоящий примерно из 280 страниц, включает в себя песни, сотворенные народом в годы войны. Автор этих песен неизвестен. Самое главное, что характерно для них – это элегическая нота с очень серьезным оттенком сентиментальности.

22 июня ровно в четыре часа,
Киев бомбили, и нам говорили,
Что началась война.
Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю и обещаю
Верным вам быть навсегда.

Стихотворение называется «Прощальное». В нем использованы клише и шаблоны сентиментальной лирики военного типа. Написано стандартно, в духе типичного мещанского романса. Мещанский романс – это популярный жанр массовой песни, он немножко пошловат.

Очень часто создавались новые песни на мотивы известных массовых песен тридцатых годов.

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко...

Удар! И машина объята огнем!
И штурман с сиденья свалился,
Но крепкое сердце работало в нем,
И он за гашетку схватился.

В стихотворении говорится про подвиг Николая Гастелло: самолет врезался в фашисткий эшелон. Вам известно, кто был в экипаже у Гастелло? Штурман Николай Бурденюк – выпускник свердловской школы.

Очень часто в стихах, созданных массой, появлялся sentimentalный образ простого героя, парня, паренька, подростка, страдающего подростка, у которого есть поэтическая натура и сейчас его ждет гибель. В годы войны была популярна песня «Голуби», в которой рассказывается о мальчике растившем голубей, впоследствии фашисты отнимают у него голубей, и мальчик умирает. Песня «Мальчик – папироса» написана от лица ослепшего мальчика-еврея, на гибриде русского и еврейского языков.

«Друзья, купите папиросы!
Подходите пехотные матросы!
Подходите, не робейте!
Сироту не одолейте!
Посмотрите, ноги мои босы!»

Наряду с этими sentimentalными песнями, выдержанными в духе мещанского слезливого романа, были другие песни, в которых выражалась солдатская бодрость, солдатская неунывающая натура. Нередко мотив солдатской «непотопляемости» появляется в бытовых песнях. Кроме того, массовая песня военных лет не обходилась без темы любви. О ней писали очень много и по-разному. Чаще всего в этих стихах звучало обличение предательниц, изменщиц, например, «Позор девушке, гуляющей с немцами». С другой же стороны, описывается искренняя, нежная любовь, которая возникала в годы войны между людьми, когда у человека рождалась благодарность медсестре, которая его вынянчила, выходила, вытащила с поля боя. Этот мотив ярко проявляется в стихотворении «Помню дым холодного привала».

Помню дым холодного привала,
 Сон бойцов у яркого костра.
 Руку мне тогда ты бинтовала,
 Славная, военная сестра.
 Теплою и лаской окружила,
 Мне о доме что-то говорила,
 Чтобы боль немного улеглась.
 Не забыть мне тихий и кроткий,
 После боя найденный привал,
 Девушку в шинели и пилотке,
 Ту, что я сестрою называл.

Совершенно другое отношение, «сентиментально-ласковенькое»,
 в стихотворении «Сестрица».

Наложу мне повязку, сестрица,
 Кроме раны еще и на грудь.
 Мое сердце, забывшее ласку,
 Успокоится так как-нибудь.
 (...)
 Нарядившись, меня повстречаешь
 В этот солнечный, радостный день.
 И прошу я тебя, дорогая,
 Ты свой белый халатик надень.
 <...>

М.Н. ЛИПОВЕЦКИЙ
 (г. Болдер, США)

ЕГО ИСТОРИЯ

Нижеследующее ни в коей мере не претендует на роль научной биографии Наума Лазаревича Лейдермана – ей еще предстоит быть написанной. Это всего лишь попытка восстановить общую канву его научной жизни, причем с вполне конкретной и предельно субъективной точки зрения – сына и ученика Н.Л.

Жизнь и научная судьба Наума Лазаревича, с одной стороны, типична для ученого его поколения, а с другой, наполнена невидимым со стороны драматизмом. Бодрый, веселый, энергичный, полный идей, блистательный лектор, харизматичный организатор, создавший кафедру, ученый совет, исследовательский центр, тащивший на себе десятки научных проектов, заражавший окружающих уверенностью в необходимости того, чему он сам отдал всего себя – филологии, русской литературе XX века; он всю жизнь вынужден был в буквальном смысле